

Ангелы,
демоны
и
кое-кто ещё

Странная Любовь

Странная Любовь

Ангелы, демоны и кое-кто еще

<https://litres.ru/74660679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Длинные и темные осенние вечера созданы для страшных историй. В сборнике коротких рассказов вы встретите не слишком доброго ангела, вовсе не злого тролля, нетипичных вампиров и оборотней, еще кое-какую нежить. Ну и конечно Дьявола. Как без него? Но не бойтесь! Все будет хорошо! А может и не будет.

Содержание

Последняя песня Ангела	4
Вилла Саламандр.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Странная Любовь Ангелы, демоны и кое-кто еще

Последняя песня Ангела

Нечеловечески прекрасные голоса, мужские и женские, взлетали к высокому куполу, сплетались, играли в прятки среди колонн, статуй и каменных стен, словно осыпаясь на плиты пола стеклянными каплями. «Miserere nobis...» — «Помилуй нас». Вечный, гениальный хорал Таллиса звучал сегодня особо проникновенно. На самых высоких нотах женский голос казался невыносимо совершенным.

«Так поют, верно, ангелы...» — подумал Гийом Шаре, причетник храма Непорочного Зачатия Девы Марии в Руане, и едва не выронил из рук золочёную чашу с облатками.

Эта Агнесса ле Дуэн, новая хористка, смущала душу причетника не только ангельским пением. Каждый раз, когда она склонялась перед святым отцом Жилем в глубоком реверансе, Ги будто окатывало кипятком. Сердце трепыхалось как бешеное, в горле пересыхало, ладони становились влажными. От такой красоты невозможно было отвести глаз. Миловидное личико, светло-пшеничные локоны, кокетливо

спадающие на грудь, которая словно светилась жемчужным светом в кипенно-белом кружеве нательной сорочки. Прелести Агнессы, стиснутые тугим корсажем, были круглыми, сдобными, белыми, как хлебный мякиш. И, наверное, такими же тёплыми. Уткнуться бы лицом прямо в ложбинку, куда прятался изящный золочёный крестик на цепочке, вдохнуть запах вербены и молодого женского тела, ощутить губами шёлковую мягкость кожи...

От этих срамных мыслей плоть бунтовала, и одежда становилась причетнику тесна. Хорошо ещё, что просторное одеяние министранта скрывало это постыдное свидетельство некрепости его веры.

С тех пор как Агнесса стала петь в церковном хоре, бедный Ги не находил себе места. Утвердившись три года назад в своём призвании стать священником и получив радостное благословение папаши Шаре, он, младший сын булочника, со всем положенным неофиту рвением постился, не расставался с Часословом, пел псалмы и молился по Розарию. По вечерам он даже умерщвлял плоть, стегая себя по спине плёткой из сыромятной кожи, в хвосты которой были вшиты кусочки свинца. Плётку ему дал монах-иезуит из монастыря Святого Патрика, что частенько навещался в приход отца Жилия — то ли с инспекцией, то ли по старой дружбе. Ходили слухи, что брат Август служил в Святой Инквизиции.

Осенью Ги собирался уехать в Пьемонт, чтобы поступить в семинарию, и отец Жиль обещал дать такие рекомендации

ректору, чтобы за особое рвение юношу приняли без вступительного взноса. Поэтому так некстати была эта слабость к Агнессе.

Стиснув зубы, Ги начал про себя молиться Архангелу Михаилу, чтобы Сатаноборец дал ему сил справиться с наваждением. Залепить себе, что ли, уши воском, чтобы не слышать ангельский голос Агнессы, заставлявший выступать слёзы на глазах и больно сжиматься сердце в груди? Но воображение тут же подсовывало картинку: перед тем как взять высокую ноту, она вздыхает поглубже, и упругие полушария мягко поднимаются, выпирая из тесного корсажа... Снова рот Ги наполнился слюной, и пришлось судорожно её сглотнуть.

— Ги, брат мой, — послышался за спиной вкрадчивый голос, и причетник снова едва не уронил злосчастную чашу, которую так и не убрал в шкаф, поддавшись греховным помыслам.

Ги резко обернулся и увидел брата Августа в сером монашеском одеянии, перепоясанном простой грубой верёвкой.

— Слава Иисусу Христу! — выпалил Ги на одном дыхании, чувствуя, как щёки заливает краска стыда. Проницательные серые глаза монаха будто смотрели прямо в его смятенную душу, видя все те непристойные картины, которые причетник с таким вожделением лелеял минуту назад.

— Во веки веков, — ласково ответил иезуит. — Как успехи в умерщвлении плоти, брат? Всё так же ли крепко твоё

желание стать слугой Господа? Нет ли в твоём сердце сожаления о мирских радостях? Ты молод, а вокруг столько соблазнов.

— Крепко, — с воодушевлением ответил Ги. — О чём мне жалеть, святой брат?

И правда, жалеть Ги было не о чем. Младшему из пяти братьев нечего было и мечтать унаследовать отцовскую булочную, так что духовный сан оставался единственной возможностью обеспечить себе достойную жизнь. Ах, если бы не Агнесса, он был бы совершенно счастлив.

Стук каблучков по чугунным ступеням хоров заставил Ги невольно посмотреть в дальний придел храма. Святые угодники... Голубое муслиновое платье придавало необыкновенную глубину фиалковым глазам Агнессы; из-под кружевной накладки выбились непослушные локоны, мягко отливающие золотом; щёки нежно розовели, а тонкая нить жемчуга обвивала изящную шею. Ниже, полускрытые кружевной накидкой, сияли неземным светом её пышные формы...

Снова ощутив, как одежда стала тесна, Ги сглотнул, отвернулся и наткнулся на строгий, чуть насмешливый взгляд иезуита. Тот смотрел с недобрым прищуром то на вспыхнувшее смущенное лицо Ги, то на девушку, учтиво присевшую в книксене перед монахом.

— Дочь моя, ты чудесно пела, — сладко улыбнулся Агнессе иезуит. — Так может звучать только непорочная душа. Ведь кто поет — молится дважды.

— Спасибо, святой брат, — ответила девушка и взяла тонкими пальцами руку брата Августа для поцелуя.

Будто заворожённый, Ги смотрел, как пухлые алые губы Агнессы легко касаются мертвенно-бледной кожи монаха, и его захлестнуло негодование. Не так... не так! Не руку монаха, пахнущую ладаном, должны целовать эти губы. Он вдруг так ярко ощутил сладость нежного, влажного поцелуя со вкусом спелой лесной земляники...

— А девушка хороша.

Вкрадчивый голос иезуита заставил липкий холодок ужаса стечь за шиворот причетника.

— Мне-то что до того, — буркнул Ги и отвернулся, едва сдерживая слёзы от стыда.

— Будь бдителен, брат мой! — Твёрдая холодная ладонь монаха легла на плечо юноши и, будто каменная плита, пригвоздила его к месту. — Лукавый часто рядится в шкуру агнца. Но истинный свет веры всегда разгонит наваждение греха. Молись усердно, брат мой Ги.

В тот вечер Ги, придя домой, заперся в своей каморке на чердаке и нещадно лупцевал спину плёткой, пока не брызнула кровь. Но всё равно, лежа ничком на тюфяке с холодным компрессом, который приложила сердобольная матушка Шаре, он перед сном видел лишь мягкое колыхание груди Агнессы в кружевах.

Через неделю в храме был престольный праздник. После торжественной мессы на ярко залитом июньским солн-

цем дворе расставили дощатые столы, накрытые белёным холстом и уставленные нехитрой снедью, которую принесли прихожане. Папаша Шаре расщедрился на свои фирменные булочки с ванилью, и Ги раскладывал их по большим деревянным блюдам.

— Как чудесно пахнет!

Эти нежные переливы серебряных колокольчиков могли принадлежать только одному голосу на свете. Очередная булочка выпала из пальцев Ги, и он утонул в васильковой глубине глаз Агнессы.

— Они... — голос Ги сорвался, он нервно облизал мгновенно пересохшие губы, откашлялся и продолжил: — Вкусные. Очень. Попробуй.

Он схватил булочку и протянул её девушке. Агнесса кокетливо опустила ресницы, и сердце Ги ухнуло куда-то вниз. Будто зачарованный, он смотрел, как приоткрылись влажные алые губы и мелкие белые зубы вонзились в румяную, присыпанную сахарной пудрой корочку. В голове у Ги помутилось, в ушах зашумело, ноги стали ватными, а ладони вспотели. Ткань одеяния натянулась, и вдруг он с ужасом понял, что одежда министранта больше не скрывает его грешных помыслов. Но это осознание вдруг показалось ему совершенно неважным...

Агнесса с аппетитом доела булочку, а Ги всё смотрел на её губы, испачканные сахарной пудрой. Затем его взгляд скользнул ниже и, будто муха в каплю мёда, влип в белую до-

рожку из пудры, уходившую в ложбинку между двумя округлостями и скрывавшуюся под корсажем.

— Ты... — хрипло просипел Ги, — испачкалась.

— Ой, и правда! — залилась серебристым смехом Агнесса, закинув голову и демонстрируя изящную шею. Её округлости мягко колыхнулись, лишая Ги остатков разума.

— Пойдем, в ризнице есть вода. И полотенце.

Изумляясь собственной смелости, причетник решительно сжал тонкое девичье запястье и повёл Агнессу в прохладе храма, пропитанную запахом ладана и горячего воска. Он даже забыл преклонить колено перед пресвитерием; он тяжело дышал и боялся лишь того, что девушка передумает и станет вырываться. Ведь он не смог бы её отпустить.

Ги тщательно запер за собой дверь ризницы, поймал настороженный взгляд Агнессы и поспешил пояснить:

— Женщинам вообще-то сюда нельзя. Вдруг увидят. Подожди, сейчас принесу воды.

Агнесса кивнула и принялась разглядывать шитое золотом облачение, осторожно проводя пальчиком по замысловатой вышивке.

Ги намочил холщовое полотенце в купели со святой водой, оставшейся после крещения, и, замирая в сладком ужасе от совершаемого богохульства, приблизился к Агнессе. Девушка смотрела на него широко распахнутыми фиалковыми глазами — доверчиво и кротко. «Ангел... чистый ангел», — подумал Ги и нежно, едва касаясь, провёл влажной

тканью по пухлым губам Агнессы. Она коротко вздохнула, и её фиалковые глаза слегка затуманились. Осмелев, Ги опустил руку ниже и бережно, чтобы не оцарапать грубой тканью нежную атласную кожу, мерцавшую в полумраке ризницы, стёр сладкую дорожку с шеи и груди.

Агнесса судорожно вздохнула и закрыла глаза. Ги отбросил полотенце и восторженно впился в чуть липкие от сахарной пудры, тёплые девичьи губы, а его пальцы проворно забрались под корсаж. Девушка всхлипнула и прижалась к нему всем телом. Другой рукой Ги, совсем потеряв голову и дрожа от нетерпения, скомкал тонкую ткань юбки, пытаясь добраться до самого сокровенного. Там было тепло и влажно. Так и не отрываясь от губ Агнессы, Ги заглушил поцелуем её крик боли и ещё сильнее подался бёдрами вперёд, захлебываясь счастьем от обладания этим неземным существом.

Агнесса всхлипывала, оправляя юбки, а Ги всё ещё не мог оторваться от неё: мял в ладонях упругую грудь, целовал распухшие губы. Они и правда пахли земляникой — точно как в его снах. Теперь всё его существо было переполнено невероятной радостью и лёгкостью освобождения. Даже думать не хотелось о том мире, что ждал их за запертой дверью...

Этот мир встретил влюблённых суровым лицом брата Августа. Пронзительные серые глаза буравили грешников насквозь, и Ги вдруг подумал, что сейчас вспыхнет и сгорит на месте от стыда и осознания ужаса содеянного. Прощай,

мечта о семинарии...

— Иди, дочь моя, тебя ищет отец. Придешь завтра ко мне на исповедь перед утренней мессой.

Голос иезуита совершенно утратил прежнюю мягкость и ласку; он звучал металлом, будто трубы Страшного суда.

Агнесса разрыдалась и бросилась в открытую дверь ризницы, словно самоубийца с моста — отчаянно и решительно.

— Бедный брат мой, — вдруг с неожиданным сочувствием проговорил монах, и колени Ги подкосились. Причетник сполз к ногам брата Августа, цепляясь за грубое сукно его одеяния.

— Прости... брат...

— Господь милосерден. Моли Его о прощении греха твоего. Усердно моли. Лишь постом, умерщвлением плоти, молитвой и послушанием слугам Господним сможешь ты искупить прегрешения свои, брат Ги.

Ги поднял на монаха заплаканные глаза.

— Призову тебя, — коротко и грозно пояснил иезуит, — для допроса. Будешь искренен перед Святой Инквизицией, и простятся тебе грехи твои. Господь с тобой.

— И со духом твоим, — всхлипнул Ги и опрометью бросился вон из ризницы.

От одного упоминания о Псах Господних Ги становилось жутко. Всю ночь он ворочался на тюфяке, то забываясь коротким тревожным сном, то с криком просыпаясь в холодном липком поту: ему снилось, как с мягкой сочувствен-

ной улыбкой брат Август прижимает к его обнажённому телу раскалённый прут.

Неделя прошла в постоянном страхе и тревоге. Брат Август не появлялся в приходе, Агнесса тоже не пришла ни на одну мессу. Ги хотел было спросить о ней у монахини-кармелитки, регента хора, но передумал. К пятнице мысли о девушке почти перестали мучать причетника, и он начал лелеять в душе надежду, что всё образуется само собой.

Гром грянул в субботу. После утренней мессы Ги убирал церковную утварь и гасил свечи, когда на его плечо легла твёрдая тяжелая ладонь.

— Пойдем, — сказал незнакомый грубый голос. — Ты нужен для дела Святой Инквизиции. Если хочешь, можете помолиться. Только недолго.

Обмерев, Ги рухнул на колени перед алтарём и несколько секунд простоял, закрыв глаза и судорожно пытаясь воскресить в памяти хоть одну молитву. Тщетно... Даже слова «Отче наш», заученные ещё в детстве, не шли на ум. В висках стучало, лоб покрылся испариной. «Я не выдержу пыток», — с тоской подумал Ги.

Спотыкаясь, на ватных ногах Ги плёлся за своим грозным провожатым, совершенно не запоминая дороги. Когда тяжелая, окованная железом дубовая дверь захлопнулась за его спиной, он вздрогнул всем телом и закашлялся от сырого, затхлого воздуха. После солнечной улицы в полутьме, разгоняемой лишь тусклым светом чадающих факелов, он почти

ничего не видел, но тяжелая рука влекла его за собой. «Ну вот и всё», — подумал Ги и всхлипнул от ужаса.

Какое-то время его вели по узкому коридору с низким закопчённым потолком; каждый раз Ги вздрагивал, когда его лица касались липкие нити паутины, а из-под ног с противным писком шмыгали крысы. Толстые каменные стены гасили все звуки, и в коридоре стояла давящая тишина — не менее жуткая, чем если бы из-за почерневших дверей доносились стоны и крики.

Наконец угрюмый провожатый остановил его перед одной из таких дверей и трижды стукнул кулаком. Со скрежетом дверь отворилась, и от бесцеремонного толчка в спину Ги влетел в каземат с низким потолком, без окон, но довольно ярко освещённый факелами и большой открытой жаровней посередине. Над жаровней накалялись именно те железные прутья, которые снились ему в кошмарах. От страха и спёртого воздуха, наполненного запахами пота, крови и горелой плоти, у Ги помутилось в глазах, и он бессильно прислонился к сырой стене.

— Ну вот и брат Гийом, — услышал он ласковый голос брата Августа и затрясся ещё сильнее. — Присядь, брат, ты плохо выглядишь.

Ги только сейчас заметил рядом грубо сбитую деревянную лавку и почти упал на неё. И сразу почувствовал, что она мокрая и липкая...

— Ну вот! Просил же после порки смыть кровь! — недо-

вольно буркнул брат Август. Громила-палач виновато помялся с ноги на ногу и взялся за ведро с водой. — Ты встань, что ли, — прикрикнул он на Ги, и того отпрянул от лавки, словно ветром сдуло. Юноша шарахнулся в сторону, чуть не упав в жаровню, а затем ударился плечом о деревянную полку, с которой с грохотом посыпались железные инструменты: клещи, долота, щипцы и ошейники с длинными заточенными шипами.

— Брат Ги, ты так неловок, — недовольно цыкнул иезуит. — Ну всё, теперь можешь садиться.

Причетник аккуратно ощупал скамью — она была мокрой, но больше не липла — и осторожно присел.

— А мы продолжим. Да, девочка моя? На чём мы остановились... Ах, да. Расскажи-ка брату Ги, каким зельем ты его опоила, чтобы совратить будущего слугу Господа ко злу?

Ги похолодел от ужасной догадки и, наконец, разглядел, что в каземате был кто-то ещё. У дальней стены стояло странное сооружение, напоминавшее козлы для пилки дров. Но на его ножках лежало не круглое бревно, а сбитые под острым углом доски, верхний край которых был окован железом. Верхом на этом оружии, широко раздвинув ноги, сидела нагая девушка — избитая, истерзанная, с распущенными грязными волосами. Руки её были связаны за спиной, и к ним тянулась верёвка, закреплённая на вбитом в потолок крюке. Конец верёвки небрежно перебирал в руках брат Август. Поверх монашеского одеяния на иезуите был надет ко-

жанный фартук, забрызганный чем-то темно-бурым.

Лицо девушки, искажённое гримасой нестерпимой муки, с разбитыми губами и заплаканным глазом, ничем не напоминало ангельский лик Агнессы ле Дуэн. Но Ги не мог ошибиться. Это была она. Его ангел.

Взгляд Ги скользнул по её шее, пересечённой черно-синей полосой и ранами от шипов; ниже, с ужасом, вместо белоснежных округлостей он увидел запекшиеся раны и ожоги. Плечи и спина Агнессы были покрыты багровыми рубцами. Ги вспомнил слова брата Августа о немытой после порки лавке...

— Пожалуйста... — прохрипела девушка. Она извивалась на козлах, пытаясь приподняться, чтобы избавиться от нестерпимой боли: железо врезалось в её плоть. — Господин... пожалуйста...

— Ну что за непостоянные создания эти женщины, — мягко улыбнулся брат Август, и у Ги кровь застыла в жилах. — Только что умоляла меня отпустить верёвку — было больно ручкам. Теперь просит приподнять — ей больно между ножек. Зато как было сладко, а, девочка? Как сладко было совращать ко греху невинного юношу? Когда он врывался в твоё ведьминское лоно, снова и снова, ты тоже кричала и умоляла его? Отвечай!

Иезуит отпустил верёвку, отчего Агнесса застонала и забилась ещё сильнее, раздирая колени о грубое дерево. Затем он достал из-за пояса длинный ременный хлыст. Раздался

свист, девушка истошно закричала, а на её бедре налилась кровью багровая полоса.

— Убейте меня... — прохрипела она. — Я невиновна... убейте...

— Женщина не может быть невиновной, — грустно заметил иезуит. — Она греховна по своей сути. С первородного греха. Вопрос лишь в том, когда зло возымеет над ней полную власть.

Ги молчал, тихо рыдая, кусая кулаки и молясь, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

— Ладно. — Брат Август потянул за верёвку, приподнимая бесчувственное тело над козлами. — Раз ведьма упорствует, спросим свидетеля. Брат мой, Гийом Шаре, знаешь ли ты её?

Ги не сразу смог выдавить ответ.

— Да, — пискнул он, точно придавленная мышь. — Знаю. Это Агнесса ле Дуэн, дочь старосты цеха кожевников Гастона ле Дуэна.

— Совершенно верно, — кивнул иезуит. — Гастон — лучший кожевник города и главный поставщик инвентаря для нужд Святой Инквизиции. Какая ирония, правда? Кнут, сделанным руками отца, только что пороли его дочурку... Ну да ладно, что-то меня сегодня тянет на лирику. Расскажи нам, добрый брат Гийом, что делала эта ведьма, дабы совратить тебя на смертный грех прелюбодеяния?

— Ни... ничего, — заикаясь, выдавил Ги.

— Совсем ничего? — удивленно приподнял брови брат Август. — Не соблазняла дьявольским пением? Не демонстрировала бесстыдно свои ведьминские прелести? Не смущала твой разум, отвлекая от служения Господу?

— Она пела... — просипел Гийом, — пела в церковном хоре, брат Август...

— Так ты оправдываешь ведьму? — ещё сильнее удивился иезуит. — Хорошо ли ты подумал, брат мой Гийом? Может, провести следственный эксперимент и заставить тебя снова овладеть ею перед судом Святой Инквизиции? Правда, не думаю, что это будет так же приятно, как в ризнице. Да и девка успела изрядно истрепаться. А после счастливого воссоединения влюблённых вы оба взойдёте на костёр. Завтра, на городской площади.

Ги разрывало на части: ужас происходящего, слабая надежда выбраться живым из этого подземелья и жалость к бедной девушке смешались в его душе. Он беззвучно плакал, не в силах оторвать глаз от изуродованного девичьего тела, которого ещё недавно так страстно желал. Теперь это было просто тело, не имевшее ничего общего с тем ангелом, чьим пением он был очарован. Просто плоть.

— Я вспомнил, брат Август! Ведьма совращала меня! Пением... И ещё... когда я дал ей отцовскую булочку, она смочила её своей ядовитой слюной и заставила меня съесть! А потом силком уволокла в ризницу! Так и было, клянусь всеми святыми угодниками, так и было!

Он выкрикивал что-то ещё, бессвязное, всхлипывая и рыдая, и всё смотрел на истерзанную плоть той, что когда-то была его Ангелом.

Агнессу ле Дуэн сожгли на городской площади в двенадцатое рядовое воскресенье, ровно в полдень. Ги не пошёл смотреть — не смог. Он сидел один в пустом храме на холодных ступенях лестницы, ведущей на хоры, и, закрыв глаза, вспоминал, как бился в цветные витражи чудный голос его Ангела, как взлетал он, чистый и прозрачный, к самому куполу и осыпался стеклянными каплями на каменный пол. Прекрасный хорал Таллиса звучал и звучал в его памяти, и одного этого голоса было довольно, чтобы выразить всю скорбь раскаяния и светлую надежду на прощение...

Внезапно пение оборвалось. Ги открыл глаза и с ужасом понял, что этот голос звучал не только в его голове.

— Ги, — вдруг прошелестело над самым его ухом. — Мой милый, милый Ги!

Эти серебряные колокольчики могли принадлежать только одному голосу в мире.

— Ангел! — счастливо улыбнулся Ги. — Тебя помиловали! Я знал, ведь ты невиновна!

— Нет, Ги, — серебристый смех раскатился по храму, а по щеке причетника будто провели кусочком льда. — Не угадал!

И тут он увидел её перед собой. Босая, с распущенными, спутанными волосами, в грубой холщовой рубаше, сквозь ко-

торуую проступали кровавые пятна. Фиалковые глаза горели недобрым, дьявольским огнём.

— Так я соблазнила тебя пением, да, Ги? Бедный, праведный Ги!

Ледяная рука обвила шею причетника; он хотел вырваться и бежать, но словно прирос к ступеням. Холодные мёртвые губы прильнули к нему в поцелуе.

— Так ты правда ведьма?!

— Нет, снова не угадал! — расхохоталась безумным смехом Агнесса и легко, будто пёрышко, взлетела на хоры, почти не касаясь ступеней окровавленными ступнями. На дереве Ги с ужасом разглядел багровые следы. — Я вернулась, чтобы спеть тебе, мой Ги. Твой Ангел споет свою последнюю песню!

Жалобно вздохнули трубы органа, и под купол храма полетел дивный, неземной красоты женский голос. «Miserere nobis» — «Помилуй нас». Голос звучал всё выше, бился в цветные стёкла витражей, отчего они начали дрожать и звенеть.

Ги так и остался сидеть на чугунных ступенях. Алые струйки стекали из его ушей, капая на каменный пол, а на мёртвом лице навсегда застыла восхищённая улыбка.

Вилла Саламандр.

«Милый Базиль.

Письмо Ваше только сегодня получил. Оно было Вами послано 1 августа. Полагаю, что за это время у Вас мотор уже пыхтит. Здесь были большие пожары, выгорела вся сторона, остался только Саламандр, этот дом огонь не берёт, как ни старается. Остальные все до Сатининской ул. представляют груды развалин, начиная от Мустонена. Сердечный привет. Ваш И.П.

Августа, 13 дня, года 1907.»

Центральную отстроили быстро. Все тридцать два номера с верандами, и заборы с воротцами, и новомодные гаражи для моторов, а он оказался закопчённым старожилом. Дачники и гости дачников долго в нём не задерживались: «Нехорошо-с», – шептались. «Место нечистое, не иначе как. Давеча Прасковья своими глазами видела – шифоньер мышь сожрал, летучую».

Потом начались события: одна война, вторая, третья – в дом набивались случайные люди, царапали скверными словами стены, грабили, думали сбежать с уворованными сахарницами и подсвешниками – ими, зайдами, дом бывал сыт и счастлив. Потом события завершились. Опять замелькали обитатели с понятием – как назло все временные.

Голодное было время.

У других домов хозяева менялись реже. Люди жили в них долго-долго, иногда счастливо. Дома о хозяевах заботились по-своему. Встречали, берегли, терпели, смотрели на человеческую жизнь и слушали разговоры. Говорилось про одно и то же – этот родился, тот умер, на базаре дорого, в саду завелась соя, в этом году полно маслят, радио опять барахлит, бельё не высохло за ночь – это к дождю.

Всё это было у других - там водилась живность, на крышах прорастали случайные травинки и даже в подвалах жили пауки. Дому номер шесть на Центральной улице с жильцами не везло отчаянно. Даже птицы над ним не летали, разве что вороны и то – исключительно в ноябре. Дом знал почему, но думать об этом не хотел. Просто ждал своего часа и не терял надежды.

Но любому ожиданию рано или поздно приходит конец. И он дождался. Старые господа вернулись. Они появились под вечер, когда уже совсем стемнело, а низкое небо, плотно забитое облаками, раздумывало – не зарядить ли снова нудным дождем. По оттоптаным ботинкам и оторванным пуговицам на пальто было видно, приехали последней электричкой с Финляндского вокзала. Дом был голоден и счастлив. Гостеприимно распахнул покосившуюся дверь, стучал окнами, гордился скрипом разошедшихся половиц, настоящей пылью и заботливо удушенными нетопырями в шкафах, искренне радовался тому, что из-за давно нечищенной трубы, камин будет дымить, а не греть. Старых господ, все устраи-

вало, они долго ходили по дому, осмотрели всё, что осталось от сада, освежили знаки кровью мелкого зверька, кричали друг на друга препротивно, сразу обустроили ледник и ложа - видать решили вернуться всерьез и надолго.

Больше всего дом любил, когда они оба устраивались в продавленных креслах у камина и вели неспешные беседы. По стенам прыгали причудливые отсветы пламени, уютно потрескивали дрова, валил дым. Дом так рассчитывал, что разговор пойдёт о еде: свежей, сочной, визгливой, мягкой еде, но...

Первый господин, задумчиво повертел в руках хрустальный бокал, наполненный до половины чем-то тёмным, полюбовался игрой света на гранях, поставил его на столик.

- Да, как приятно бывает вернуться в настоящий Дом! Не находите? Инносенсес! После всех скитаний. Этот шум, город, всегда холодная Пальмира, вода в гробах. Кошмар.

- Мне и тогда здесь нравилось не очень, а теперь... Я любил гнездо на Фурштадской. А теперь там банк!

- Вздор, пустое! К чёрту счёты! Мы здесь были и будем счастливы. Вы чувствуете? Дом явно нам обрадовался! Злобный старина Саламандр.

- Жрать он хочет, ощущаю ясно... только об этом и думает!

- Полноте, мон шер, не будьте так пессимистичны! В городе оставаться было небезопасно. Люди стали бы говорить...

- Оставьте, Базиль, какие люди? Всё эти игры в доктора, эскапады с открытиями – вспомните-ка, ведь та ваша вакци-

на от испанки, она же погрузила нас в сон!

- Что плохого? Все спят.

- Да, но девяносто пять лет! Ужасное пробуждение! Эти курицы в очках!

- Забудем, друг мой, забудем... всё скверное. Мы опять здесь, вдвоём, как тогда.

- Ну вы же знаете мое отношение к Саламандру... Все эти воспоминания, словно кучи грязного белья...

- Вотр декласе! Бросьте грусть! Будем говорить о вечном. Шер ами, как вы считаете, кто гениальнее – Шопен или Дебюсси?

- Дебюсси, который Клод? – отозвался второй. - Мне кажется, каждый гениален по-своему.

- Как мы с вами, – улыбнулся первый и горделиво приподнял подбородок, давая возможность другу полюбоваться его чеканным профилем. – Я счастлив, что судьба свела нас вместе.

- Взаимно, друг мой, взаимно. Но ваша гениальность несравнима с моей. Вы неподражаемы. Я во многих вопросах лишь робкий ученик.

- Бросьте, мон шер, в каких вопросах!

- Да хотя бы в женском, – второй отставил пустой бокал и быстро облизнул губы.

- Тут вы правы, дорогой Эн, – просиял первый. – Я, безусловно, нравлюсь женщинам. Моногамии не выношу. Сколько себя помню – никогда не мог довольствоваться од-

ною. А ведь многие сочли бы меня аморальным.

- Ох уж эти условности, милый Базиль, – второй поморщился. – Нам ли с вами оглядываться на мнение простаков!

Потом помолчал и добавил недовольно:

- И зачем вы называете меня Эн? Это женское имя!

- А вам больше по душе Иннокентий? – усмехнулся Базиль.

- Ну почему вы не позволяете мне выбрать себе настоящее, изысканное, – простонал тот.

- Вы сами прекрасно знаете! С именем нужно родиться. Или заслужить! А вы даже охотиться самостоятельно не научились, до сих пор! А все потому, что видите в жертвах всего лишь пищу. А я женщин смакую, дегустирую. Как дорогие редкие вина.

Иннокентий грустно вздохнул.

- Прекрасная музыка! Вот что воистину бессмертно! – взволнованно воскликнул Базиль, прикрыл глаза, и изящно взмахнул кистью в такт сиропным аккордам Клода.

Его собеседник уважительно молчал, ожидая, пока тот насладится вечностью.

Наконец, Базиль открыл глаза и протянул руку к бокалу.

- Послушайте, мон шер Иносенссес, сидение в стенах Саламандра не предел мечтаний. Это местечко конечно прелестно, столько воспоминаний, сильный исток силы, да и название звучит почти как в Нормандии – Лизье - Нёз. Ах! Но не пора ли действовать? Не пора ли слушать, наблюдать,

подмечать детали и перевоплощаться! Ангард, мон шер, ангард! Париж ждёт нас!

Генеральный директор небольшой фирмы по производству косметики «Ана Белла» Лариса Петровна Щадилова не могла поверить своему счастью. Пятница, «День Блондинок», на «Выставке Красоты» стал судьбоносным. Случайное знакомство, и Ларисе удалось заполучить настоящего французского парфюмера. Да ещё с таким упоительно галльским имечком - Базиль Церизи. Ларису Петровну несколько не смутило, что мсье Церизи говорил по-русски без акцента, и документы его были с какими-то странными гербами в печатях. Она была очарована.

Элегантный, стройный, с темными слегка выющимися волосами до плеч, Базиль покорял с первого взгляда. И манерами, и жгучими черными глазами. Да и каждая из почти ста сотрудниц фирмы – от инженеров и технологов, до лаборанток и фасовщиц готовой продукции, буквально таяла в присутствии француза, а мсье Церизи лишь усмехался загадочно, обволакивал шармом, в руки не давался и оказался до неприличия ветреным. Вокруг него всегда вилась целая стайка восхищенных девиц. К тому же за спиною Церизи тенью стоял некто И.П.

Помощник Базиля, Иннокентий Погорелов, трудоустройство которого было непременным условием, не внушил директрисе особого доверия. Молчаливый и угрюмый, будто альтер-эго общительного и улыбчивого мсье Церизи, он вы-

глядел чересчур затёрто, в разговоре бывал груб. Женщины Погорелова сторонились и дразнили «Пригорелым», а он, скорее всего, считал их дурно воспитанными пустышками. Видно было, что у Иннокентия с дамами свои давние счёты. И, он, на всякий случай, дабы избежать повторения травмы, хамил всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.